

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)51

«СТРАННЫЙ РОМАНЬ», ИЛИ АБЕЛЯР И ЭЛОИЗА В РОССИИ XVIII В.¹

© 2021 г. Н.М. Долгорукова, К.В. Бабенко, А.П. Гайденко
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*
Дата поступления статьи: 22 мая 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 08 июля 2020 г.
Дата публикации: 25 июня 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-114-127>

*Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2020 г.*

Аннотация: В статье анализируется первый русский перевод писем Абельяра и Элоизы — «Собрание писем Абельяра и Элоизы, с присовокуплением описания жизни сих несчастных любовников», выполненный А.И. Дмитриевым в 1783 г. с французского переложения графа Бюсси-Рабутена. Сравнительный анализ перевода Дмитриева и оригинального текста показывает, что их связь весьма условна: Дмитриев, вслед за Бюсси, далеко не всегда придерживается латинского оригинала даже в основных сюжетных линиях. Если же он и сохраняет канву оригинальных средневековых писем, то дополняет ее бесчисленным множеством деталей: портрет возлюбленного, облитое слезами письмо, безумная страсть. Подобная трансформация происходит и с «Историей моих бедствий» в пересказе Августа фон Коцебу. Оба автора в предисловиях так или иначе обозначают свои труды как «женское» чтение. Сам интерес к истории двух любовников объясняется, вероятно, недавним выходом «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо. Выбор материала, характер его обработки, обращение к женщинам и обстоятельства печати перевода Дмитриева и переложения Коцебу демонстрируют приверженность этих авторов к сентиментализму, чем и объясняется их стремление вызвать слезы на глазах своего читателя.

Ключевые слова: Абельяр, Элоиза, А.И. Дмитриев, Коцебу, сентиментализм, медиевализм, письмо, перевод, оригинал.

Информация об авторах: Наталья Михайловна Долгорукова — кандидат филологических наук, PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5553-0581>

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Ксения Вадимовна Бабенко — студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9101-2098>

E-mail: ksieniya.babenko@gmail.com

Анна Павловна Гайденко — выпускник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-8386>

E-mail: ansita1996@mail.ru

Для цитирования: Долгорукова Н.М., Бабенко К.В., Гайденко А.П. «Странный романь», или Абельяр и Элоиза в России XVIII в. // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 2.

С. 114–127. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-114-127>

¹ Формулировка «Странный романь» заимствована из «Истории моих бедствий» издания 1902 г. в переводе П.О. Морозова: [2].

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 1, 2021

“A STRANGE ROMANCE,” OR ABELARD AND HÉLOÏSE IN RUSSIA OF THE 18TH CENTURY

© 2021. Natalia M. Dolgorukova, Kseniia V. Babenko, Anna P. Gaidenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received: May 22, 2020

Approved after reviewing: July 08, 2020

Date of publication: June 25, 2021

Acknowledgment: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020.

Abstract: The article gives an analysis of the first Russian translation of Abelard and Héloïse's letters (*The Collection of Abelard and Héloïse's Letters with the Life Description of These Miserable Lovers*) made by A.I. Dmitriev in 1783 from Count Bussy-Raboulin's French retelling. A comparative analysis of Dmitriev's translation with the original text shows the conventional character of their connection. Following Bussy, Dmitriev not always sticks to the Latin original even in the main storylines. Even if he retains the canvas of the original medieval text, he supplements it with countless details: a portrait of a lover, a tear-drenched letter, mad passion. A similar transformation takes place with the *Historia Calamitatum* in the retelling made by Augustus von Kotzebue. In prefaces both authors designate their works as “female” reading. The interest in the story of two lovers is probably caused by the recent release of J.-J. Rousseau's *Julie, or the New Heloise*. The choice of material, the nature of its adaptation, the appeal to women and the circumstances of the publication of Dmitriev's translation and Kotzebue's retelling demonstrate the commitment of these authors to sentimentalism, which explains their desire to cause tears in the eyes of their readers.

Keywords: Abelard, Héloïse, A.I. Dmitriev, Kotzebue, sentimentalism, medievalism, letter, translation, original version.

Information about the authors: Natalia M. Dolgorukova, PhD in Philology, Docent, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya 11, 101000 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5553-0581>

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Kseniia V. Babenko, student, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya 11, 101000 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9101-2098>

E-mail: ksieniya.babenko@gmail.com

Anna P. Gaydenko, graduate of the National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya 11, 101000 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-8386>

E-mail: ansitar996@mail.ru

For citation: Dolgorukova, N.M., Babenko K.V., Gaidenko A.P. “‘A Strange Romance,’ or Abelard and Héloïse in Russia of the 18th Century.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 114–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-114-127>

Ги Лобришон в своей книге «Элоиза. Любовь и знания» [6], рассказывая о посмертной судьбе двух самых известных французских любовников XII в., поражается, что эта пара прославилась даже в России, где «в 1793² г. появился первый перевод их истории жизни и писем, за которым последовал второй, в 1816 г.» [6, с. 30].

Действительно, на протяжении XVIII–XIX вв. в России были изданы четыре книги, прямо или косвенно посвященные истории Абеляра и Элоизы: собрание писем в трех разных переводах 1783 [14], 1816 [7] и 1902 [8] гг., а также маленький биографический рассказ 1801 г. о несчастьях Абеляра [12], созданный немецким драматургом, главой немецкого театра в Петербурге, Августом Коцебу³.

Мы сосредоточимся на первом издании писем Абеляра и Элоизы, вышедшем в типографии Н.И. Новикова в переводе А.И. Дмитриева [14], и покажем, каким образом в нем был сконструирован образ сентиментальных любовников.

Свой перевод «Собрания писем Абелярда и Элоизы», опубликованный в 1783 г., А.И. Дмитриев делал не с латинского оригинала, а с французского переложения. Он не указывает, каким именно французским текстом пользовался, однако можно предположить, что перевод первых

2 Лобришон ошибочно указывает, что письма в русском переводе вышли в 1793 г. В действительности это произошло десятью годами ранее – в 1783 г.

3 Примечательно, что сам Коцебу в своих мемуарах «Достопамятный год моей жизни. Воспоминания» [13], повествующих о ссылке в Сибирь, не раз называет свой труд «историей своих бедствий», сравнивая себя, таким образом, с французским философом. Подробнее о деятельности Коцебу и ее рецепции в России см. статью Е.Е. Дмитриевой «Судьбы драматургии Августа Коцебу в России» [1].

двух писем был выполнен с переложения графа Бюсси-Рабютена, вышедшего в 1687 г. [15].

Чтобы дать представление об этом переложении, приведем цитату из первого письма Элоизы:

Je suis résolue de publier en toutes les langues nos disgrâces, pour faire honte au siècle injuste qui ne nous a pas connus ; je n'épargnerai rien, puisque rien ne vous épargne, et je vous attirerai tant de pitié que l'on ne parlera plus de mon cher Abélard que la larme à l'œil [15, p. 74].

Запомним эту слезу и сравним эту цитату с переводом Дмитриева:

<...> я предприяла на всех языках обнародовать наши злоключения, дабы пристыдить несправедливый век, не познавший твоих достоинств. Не пощажу ничего, когда тебя ничто не щадит, и привлеку к тебе толикое сострадание, что не будут без слез произносить имя дражайшего моего Абельярда [14, с. 181].

Как видно, русский текст практически идентичен французскому, с заменой «наших» достоинств на «твои». В оригинальном письме Элоизы таких слов нет.

Французский переводчик XVII в. значительно отходит от латинского текста, а в переработке А.И. Дмитриева это искажение только усиливается. Письмо Элоизы у А.И. Дмитриева (как и соответствующий французский текст) сохраняет сходство с латинским оригиналом в нескольких опорных точках, но даже из одной вышеприведенной цитаты ясно, что Бюсси-Рабютен, а за ним и А.И. Дмитриев преследовали именно ту цель, о которой говорит в их переводах Элоиза: вызвать в читателе сострадание, пробудить его «чувствительность» с тем, чтобы усилить эмоциональное воздействие текста.

Если Элоиза латинского оригинала не рассказывает подробно ни о трагедии, произошедшей с Абельяром, ни о своем уходе в монастырь — только настаивает на том, что приняла обет не из любви к Богу, а ради своего возлюбленного, — то у А.И. Дмитриева оба этих эпизода обрастают «романными» и чрезвычайно патетичными деталями. Так, о посвящении Эло-

изы в монахини А.И. Дмитриев пишет: «Произнося мои обеты, я имела при себе письмо твое, в котором ты клялся быть вечно моим» [14, с. 196]. Вспоминая о насилии, учиненном над Абеляром, она заявляет следующее: «Если бы я тогда была с тобою, когда ввергали тебя в сие горестное состояние, в котором ты теперь находишься, я бы с опасностью жизни моей тебя защитила» [14, с. 195]. Кроме того, у Элоизы даже хранится портрет Абеяра, которым она постоянно любуется. Такая деталь (отсутствующая в оригинале) навеяна, по всей видимости, рассуждениями Элоизы из латинского оригинала о тоске по близким людям: «Если нам приятно смотреть на портреты отсутствующих друзей, ибо эти портреты оживляют нашу память о них и обманчивым, призрачным видом утоляют тоску по отсутствующим, то еще приятнее письма, в коих мы получаем осязательные приметы отсутствующего друга»⁴ [9, с. 64]. Эти абстрактные рассуждения А.И. Дмитриев интерпретирует буквально, его Элоиза пишет: «Во ожидании от тебя подобного себе удовольствия [письма], я вкушаю оное частым взиранием на твое изображение» [14, с. 183]. Присутствие портрета, таким образом, мотивируются психологически, сообщая образу Элоизы черты сентиментальной героини.

В нескольких фрагментах речи русской Элоизы даже проскальзывает кокетство, достойное героини романа XVII в.: «Я весьма слабо сердце мое защищала, ты без труда мог овладеть оным, неблагодарный» [14, с. 196].

У А.И. Дмитриева явственно подчеркнута безумная страсть Элоизы («пламя, коим я сгораю»; «не о том сожалею, что их [грехи] учинила, а о том, что уже не могу их более творить» [14, с. 198]). Она страдает от своей любви настолько, что делает попытку отказаться от нее («иногда предпринимаю более не любить тебя» [14, с. 199]). Наконец, отказ Элоизы от брака, который, вероятно, был вызван страхом навредить карьере Абеяра, у А.И. Дмитриева интерпретируется следующим образом: «<...> супружества делают склонность принужденною и лишают славы любить» [14, с. 191].

В оригинале слезы появляются только один раз, и то в перифразе и не на глазах любовников, — «никто не может читать или слышать об этом

4 В оригинале: “Si imagines nobis amicorum absentium jocunde sunt, que memoriam renovant et desiderium absentie falso atque inani solatio levant, quanto jocundiores sunt littere, que amici absentis veras notas afferunt?” [16, p. 138].

без слез» [9, с. 64]⁵ (дословно — “siccis oculis”, «с сухими глазами», причем это, возможно, цитата из Горация [9, с. 237]), а вот в переводе слезы льются рекой: «письмо <...> изглаженное моими слезами» [14, с. 182]; «не говори в извинение себе, что хочешь пощадить слез моих, молчание твое извлекло у меня их не менее» [14, с. 182]; «я <...> оплакиваю моего любовника и мои прошедшие удовольствия» [14, с. 194] и т. д.

Переведенное письмо близко оригинальному, но тон Элоизы у Бюсси и А.И. Дмитриева оказывается экзальтированным и романизированным. Те фрагменты оригинала, которые не говорят о любви и мучениях напрямую, в переводе сокращены до минимума или выброшены вовсе, например, многочисленные цитаты из античных и библейских авторов. В необычном свете предстает Сенека, чьи «Нравственные письма к Луцилию» А.И. Дмитриев превращает в письма к Луцилле: «И такую-то радостью Сенека, коего заставлял ты читать меня, колико он ни философ был, пронизался, когда получал письмо от Луциллы» [14, с. 183]. Бюсси пользуется старой формой передачи имени Луцилия: не Lucilius, а Lucile, что и ввело в заблуждение А.И. Дмитриева, который воспринял это имя как женское. В оригинале Элоиза пишет: «А сколь приятно получать письма от отсутствующих друзей, то на собственном примере нам показывает Сенека <...> в письме к своему другу Люцилию»⁶ [9, с. 64]. Так, она ссылается на классика, чтобы показать Абеяру, как необходима дружеская поддержка хотя бы в переписке. Героиня А.И. Дмитриева же осмысляет переписку Сенеки как любовную и кокетливо отмечает, что даже философ может порадоваться письму от возлюбленной.

Если первое письмо Элоизы более или менее соответствует содержанию оригинального текста и А.И. Дмитриев в нем меняет только стиль и несколько иначе расставляет смысловые акценты, то в ответе Абеяра в переводах А.И. Дмитриева и Бюсси уже попросту невозможно узнать настоящее письмо французского философа.

«Сентиментальный» Абеяра Бюсси и А.И. Дмитриева начинает свое послание с извинений за боль, которую Элоизе доставили воспоминания,

5 В оригинале: “Que cum siccis oculis neminem vel legere vel audire posse estimem” [16, p. 138].

6 В оригинале: “Quam jocunde vero sint absentium littere amicorum, ipse nos exemplo proprio Seneca docet, ad amicum Lucilium <...> scribens” [16, p. 138].

вызванные перечитыванием его письма к другу. Этот фрагмент в оригинале отсутствует.

Как и «русская» Элоиза, «русский» Абеляр жаждет прервать любовные страдания, чем и объясняет свое небрежение: «...принужденным моим беспристрастием хотел исцелить и избавить [тебя] жестоких мучений безнадёжной любви» [14, с. 205]. На фоне этого объяснения и трогательных извинений реальная причина перерыва в их общении, высказанная настоящим Абеляром в его ответе, выглядит даже жестоко: «Если после обращения нашего от мира сего к богу я еще не написал тебе никакого утешения, ни увещания, то это надо приписать не моему небрежению, а твоей мудрости, на которую я всегда в высокой степени полагался»⁷ [9, с. 72]. Иными словами, настоящий Абеляр не писал Элоизе просто потому, что не видел в этом необходимости.

Подобно своей возлюбленной, Абеляр в русском переводе сгорает от любви. Он пишет: «Я воспаляюсь, говоря тебе о любви моей, и не могу теперь понять, как я мог завидовать бесчувственному спокойствию тех, кои никогда не любят» [14, с. 210]. Даже увечье не помеха для страсти: «...я гораздо тем виновнее, что горю к тебе под пеплом» [14, с. 207]. На слезы, однако, Абеляр Дмитриева и Бюсси менее щедр, чем его подруга. Лишь в конце он пишет, что нуждается в слезах Элоизы, и просит ее: «Плачь ныне для утешения нашего пламени» [14, с. 217].

Пламя должно быть погашено, потому что оно греховно. Абеляр в русском переводе склонен относиться к своей любви как к болезни, которую исцелить необходимо, но едва ли возможно: «...я учил тебя любить, а ты научила меня, что болезни, от тебя мною восчувствованные, суть болезни неисцелимые» [14, с. 206]. Верность Элоизы оказывается для него губительной: «...постоянность твоя есть яд для души моей, питающей в себе любовь мою» [14, с. 209]. Вместе с тем Абеляр уповает на Господа в надежде на помощь в избавлении от греховной страсти, он считает необходимым отказаться от Элоизы, чтобы найти путь к Богу и позволить ей праведно соблюдать ее обеты: «...ты супруга Иисуса Христа. <...> Я спорил бы о тебе с человеком, но Богу должен тебя уступить» [14, с. 215]. Стоит добавить, что

7 В оригинале: “Quod post nostram a seculo ad Deum conversionem nondum tibi aliquid consolationis uel exhortationis scripserim, non negligentie mee, sed tue — de qua semper plurimum confido — prudentie imputandum est” [16, p. 155].

Абеляр Бюсси и А.И. Дмитриева крайне ревнив. На упрек Элоизы в недоверии и требовании уйти в монастырь он признается, что «хотел лучше ее лишиться, нежели отважить разделить ее с другим», и добавляет, что «был бы ее мучителем, когда б она стала ему неверной» [14, с. 214].

Деструктивность, присущая сентиментальной любви, проявляется здесь не только в ее греховности, сама любовь напрямую действует как разрушитель — Абеляр готов погибнуть и физически («Но если должно умереть, о Боже мой! для чего ж не умереть ради тебя?» [14, с. 210]), и духовно («...я погибаю и не хочу искать моего спасения» [14, с. 212]).

Между тем оригинальное ответное письмо Абеляра является, по сути, инструкцией к молитве о его собственной душе. Он не выказывает никаких сожалений или любовных мучений, лишь требует от Элоизы и других сестер усердных молитв о нем самом, наставляя ее многочисленными историческими и библейскими примерами, а также посылает ей псалтирь и предлагает тексты наиболее подходящих, на его взгляд, молитв, например: «Боже, ты удостоил раба твоего собрать служанок твоих во имя твое, молим тебя, защити его от всякой беды, верни его невредимым к служанкам твоим»⁸ [9, с. 78].

Единственное, что совпадает в оригинале письма и в переводе А.И. Дмитриева, — это просьба Абеляра о том, чтобы его погребли в созданной им обители, Параклете, причем мотивировки этих просьб одинаковы. Абеляр в переводе А.И. Дмитриева пишет: «Но в каком бы месте я жизнь мою ни окончил, велю тело мое предать земле у созданной мною часовни. Тогда уже в молитвах, а не слезах я буду иметь нужду» [14, с. 217]. В оригинале эта просьба звучала несколько иначе: «...умоляю вас, труп мой, где бы он ни оказался погребенным или брошенным, прикажите перенести на ваше кладбище, чтобы дочери наши, или сестры во Христе, часто взглядывая на нашу могилу, побуждались больше изливать за меня своих молитв ко господу»⁹ [9, с. 78]. Как видим, содержательно просьбы совпадают, но в оригинальном тексте Абеляр постоянно акцентирует внимание на монаше-

8 В оригинале: “Deus qui per servum tuum ancillulas tuas in nomine tuo dignatus es aggregare, te quesumus ut eum ab omni adversitate protegas et ancillis tuis incolumem reddas” [16, p. 166].

9 В оригинале: “...cadaver, obsecro, nostrum ubicumque uel sepultum uel expositum jacuerit, ad cymeterium vestrum deferri faciatis ubi filie vestre — immo in Christo sorores — sepulcrum nostrum sepius videntes, ad preces pro me Domino fundendas amplius inuitentur” [16, p. 138].

ской общине, которую возглавляет Элоиза, тогда как в письмах в переводе А.И. Дмитриева любовники не представлены как часть какой бы то ни было группы, они максимально индивидуализированы — для Абельяра словно бы не существует никого, кроме его Элоизы.

Не только А.И. Дмитриев интересовался историей двух любовников. Переложение «Истории моих бедствий» создал и Август фон Коцебу. На первой же странице он сообщает, что имена Абельяра и Элоизы никогда не произносятся одно без другого, что, конечно, совсем не так: в оригинальной автобиографии Абельяра история его любви с Элоизой является не единственной, а лишь одной из важных линий, на самом же деле, большая часть этого текста повествует о прениях Абельяра с его оппонентами. Стоит, однако, сказать, что Коцебу пересказывает историю жизни богослова достаточно близко к его собственным описаниям, обогащая ее сведениями из дополнительных источников (например, различных писем) и уделяя достаточно внимания не только истории любви к Элоизе, но и его философским и богословским неудачам.

Вместе с тем некоторые сентиментальные детали в это повествование все же привносятся. Вот как Коцебу описывает Абельяра на момент его встречи с Элоизой: «Прекрасный, в цветущих летах юноша, <...> сочинявший прекрасные стихи и имевший приятнейший голос» [12, с. 14]. Учитывая, что Абельяр был старше Элоизы более чем на двадцать лет, «прекрасному юноше в цветущих годах» на момент их встречи было почти сорок лет, однако для Коцебу в данном случае важнее не биографическая точность, а следование канону сентиментальной литературы, одной из важных особенностей которого является молодость главных героев [5, с. 173]. О переписке любовников Коцебу сообщает: «...и между важными предметами, о которых они писали, помещаемы были часто нежные разговоры о любви и приятно горестном воспоминании протекших радостей» [12, с. 42]. В действительности же Абельяр нечасто предавался подобным рассуждениям на страницах своих писем. И наконец — то, как завершает Коцебу свое повествование: «Легковерие говорит, что Абельяр, когда вскрыли гроб и клали в него тело Элоизы, простер к ней руки и заключил ее в свои объятия» [12, с. 42]. Л.А. Курьшева в статье, посвященной сентиментальной прозе, выделяет в числе характерных для нее топосов погребение возлюбленных в одной или соседних могилах и воссоединение влюбленных в загробном мире,

приводя в качестве примера внушительный список рассказов и повестей [3, с. 46–47]. Таким образом, часть переложения Коцебу, посвященная истории любви Абеяра и Элоизы, подверглась сентиментальной обработке.

Отметим, что Дмитриев снабжает свой перевод галантным посвящением под названием «Прекрасному полу приношение»:

Прелестные обладательницы сердец наших! Я Вам посвящаю перевод мой в знак того почтения, которое я к Вам имею и кое все мы иметь к Вам обязаны как к таким существам, которым мы всем нашим благополучием должны: без Вас вся бы жизнь наша была исполнена непрерывными скуками и горестями, а Вы, приятностью Вашею грубость нравов наших умягчая, от оных нас избавляете и возводите нас на перьях первейшего блаженства, силою Ваших прелестей влагая в сердца наши любовь, сию нежную страсть, с которую никакие удовольствия в жизни сравниться не могут. Одни только жестокие сердца власти Вашей не повинуются, но они сего счастья и недостойны. И так прошу Вас удостоить книгу сию благосклонного Вашего приятия. Она переведена хотя и не весьма искусным переводчиком, однако ж истинным почитателем Вашего пола [14, с. 2–3].

Коцебу тоже полагает это чтение более женским, чем мужским:

Я уверен, что из десяти просвещенных читателей, из двадцати читательниц не знают и трое, кто именно были Абеяра и Элоиза! [12, с. 3–4]

Такое посвящение сразу вписывает эти тексты в складывающуюся в это время литературу, предназначенную для чтения «прекрасным полом». К концу XVIII в. женщина начинает входить в мир литературы, и в 70–80-е гг. появляются небывалые прежде понятия женской библиотеки и, соответственно, женского чтения. Отметим, что перевод А.И. Дмитриева был напечатан в Университетской типографии, находящейся на тот момент в ведомстве известного просветителя Н.И. Новикова. Именно под его влиянием, наравне с участием Н.М. Карамзина, во многом и формируется женское чтение в России: Н.И. Новиков «первым поставил перед собой цель сделать женщину — мать и хозяйку — читательницей, подготовить для нее продуманную систему полезных книг в доступной для нее форме» [4, с. 219].

В.Э. Вацуро отмечает, что сентиментальная эстетика считала именно женщину «основным арбитром литературного вкуса» [2, с. 322]. Поэтому в выходящих во второй половине XVIII в. сочинениях на любовную тему, как переводных, так и оригинальных, стали появляться посвящения «прекрасному полу». Предисловие А.И. Дмитриева, таким образом, вписывается в целый ряд подобных посвящений, из которых мы приведем только один пример, «Послание к женщинам» Н.М. Карамзина 1795 г.:

Скажу вам, милые, — и чем другим начать? —
 Что вы родитесь свет подлунный украшать,
 Который бы без вас в угрюмости суровой
 Был самый мрачный свет;

У вас в очах блестит небесный, тихий луч,
 Который показать нам должен путь к блаженству,
 Добру и совершенству;
 Другим путем к тому вовеки не дойдем [11, с. 170–171].

Наконец, сам выбор текста для перевода, как кажется, обусловлен выходом в 1761 г. романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», который уже в 1769 г. был переведен на русский язык. Ж.-Ж. Руссо недвусмысленно отсылает читателей к истории любви Абеяра и Элоизы, и, по-видимому, популярность романа подтолкнула А.И. Дмитриева взяться за перевод. Интерес Коцебу к этой истории также вызван выходом в свет романа Руссо, на что он намекает вначале: «Кто не читал об них [Абеяре и Элоизе] в героических поэмах или не вспоминал их, читая “Новую Элоизу”?» [12, с. 3].

Есть основания полагать, что перевод А.И. Дмитриева послужил одним из источников вдохновения для Н.М. Карамзина при создании «Бедной Лизы» — повести, повторяющей сюжет о брошенной возлюбленной с созвучным именем (Лиза / Элоиза), проливающей реки слез. Впрочем, в повести Н.М. Карамзина «слезным даром» награждены все: Лиза, ее мать, Эраст и даже сам рассказчик.

Итак, и обращение к женщинам в предисловии к переводу, и типография, в которой была опубликована книга, и сам выбор материала демон-

стрируют приверженность А.И. Дмитриева сентименталистскому течению и ориентацию на «чувствительных» читателей или, скорее, читательниц. Не случайно Элоиза в русском переводе просит Абельяра писать ей такие письма, «чтоб сердце [его] через них, а не разум изъяснялся» [14, с. 185]. Такое чтение сердцем, а не умом (по аналогии с «belles âmes» и «beaux esprits» Руссо), очевидно, предписывается и читателю переводов и полностью соответствует сентименталистской эстетике восприятия литературы.

Таким образом, история средневековых любовников Абельяра и Элоизы на русской почве превратилась в эпистолярный «странный роман» двух чувствительных сердец, разлученных злым роком и проливающих море слез.

Однако их история в России XIX в. продолжится уже в романтическом ключе, как в новых переводах писем, так и в поэзии В.А. Жуковского, где Абельяр и Элоиза представлены как «любовница в тоске» и «любовник в заточенье»¹⁰ [10, с. 44].

Список литературы

Исследования

- 1 *Дмитриева Е.Е.* Судьбы драматургии Августа Коцебу в России // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века. Сборник статей и материалов. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 174–217.
- 2 *Кочеткова Н.Д.* Посвящения «прекрасному полу» в русских изданиях XVIII века // Russian Literature. 2014. Vol. 75. Issues 1–4. P. 321–332.
- 3 *Курьшева Л.А.* Сентиментальная нарративная проза о несчастливой любви (к моральному разделу словаря сюжетов и мотивов русской литературы) // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 2. С. 14–56.
- 4 *Лотман Ю.М.* Человек и общество XVIII – начала XIX века. Женский мир // Из истории русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. IV: XVIII – начало XIX века. С. 205–232.
- 5 *Мамуркина О.В.* «Темная роща, или памятник нежности»: нарративный инвариант русской сентиментальной повести // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 172–177.

¹⁰ Речь идет о переводе стихотворения А. Поупа «Eloisa to Abelard», выполненном В.А. Жуковским в 1806 г. Элоиза В.А. Жуковского побуждает Абельяра писать ей такими словами: «Пиши ко мне! Писать — небес изобретенье! / Любовница в тоске, любовник в заточенье, — / Быть может, некогда нашли блаженство в нем!» [10, с. 44].

6 *Lobrichon G. Héloïse. L'amour et le savoir. Paris: Gallimard, 2005. 370 p.*

Источники

- 7 Абейлард и Элоиза, или драгоценное собрание писем сих несчастных любовников / пер. В.М. Протопопова. М.: В тип. С. Селивановского, 1816. 175 с.
- 8 *Абеляр П.* История моих бедствий / пер. П.О. Морозова, под ред. А. Трачевского. СПб.: Изд-е Картографического заведения А. Ильина, 1902. 108 с.
- 9 *Абеляр П.* История моих бедствий / пер. В.А. Соколова. М.: АН СССР, 1959. 256 с.
- 10 *Жуковский В.А.* Послание Элоизы к Абеляру // *Жуковский В.А.* Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 43–45.
- 11 *Карамзин Н.М.* Послание к женщинам // *Карамзин Н.М.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1966. С. 170–171.
- 12 *Коцебу А.* Абелард и Элоиза. М.: Губернская Тип. у Андрея Решетникова, 1801. 47 с.
- 13 *Коцебу А.* Достопамятный год моей жизни. Воспоминания. М.: Аграф, 2001. 314 с.
- 14 Собрание писем Абеларда и Элоизы, с присовокуплением описания жизни сих несчастных любовников / пер. А. Дмитриева. М.: Унив. тип. у Новикова, 1783. 292 с.
- 15 Les lettres et épitres amoureuse d'Héloïse et d'Abeilard, traduites librement en vers et en prose / trad. par M.M. Bussy Raboutin, de Beauchamps et etc. Paraclet, 1792. 187 p.
- 16 *Lettres d'Abélard et Héloïse / établi et annoté par Éric Hicks et Thérèse Moreau. Paris, 2007. 567 p.*

References

- 1 Dmitrieva, E.E. "Sud'by dramaturgii Avgusta Kotsebu v Rossii" ["The Fate of August Kotzebue's Plays in Russia"]. *Iz istorii russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury pervoi chetverti XIX veka. Sbornik statei i materialov. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom)* [From the History of Russian Translated Fiction in the First Quarter of the 19th Century. Collection of Articles and Materials. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 174–217. (In Russ.)
- 2 Kochetkova, N.D. "Posviashcheniia 'prekrasnomu polu' v russkikh izdaniiakh XVIII veka" ["Dedications to 'The Fair Sex' in Eighteenth-Century Russian Books"]. *Russian Literature*, vol. 75, issues 1–4, 2014, pp. 321–332. (In Russ.)
- 3 Kuryшева, L.A. "Sentimental'naia narrativnaia proza o neschastlivoi ljubvi (k mortal'nomu razdelu slovaria suzhetov i motivov russkoi literatury)" ["Sentimental Narrative Prose on Unhappy Love (For the Mortal Section of the Dictionary-Index of Plots and Motives of the Russian Literature)"]. *Siuzhetologii i siuzhetografiia*, no. 2, 2017, pp. 14–56. (In Russ.)
- 4 Lotman, Iu.M. "Chelovek i obshchestvo XVIII – nachala XIX veka. Zhenskiy mir" ["Man and Society of the 18th – Early 19th Centuries. Women's World"]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture], vol. IV: 18th – Early 18th Centuries. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, pp. 205–232. (In Russ.)
- 5 Mampurkina, O.V. "'Temnaia roshcha, ili pamiatnik nezhnosti': narrativnyi invariant russkoi sentimental'noi povesti" ["'Dark Grove, or Monument of Tenderness': Narrative Invariant of Russian Sentimental Short Story"]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3, 2016, pp. 172–177. (In Russ.)
- 6 Lobrichon, Guy. *Héloïse. L'amour et le savoir*. Paris, Gallimard, 2005. 370 p. (In French)